Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ
НАЙДИ ЕГО,
А Я РАЗБЕРУСЬ
«За деньги она была готова
на что угодно — вообще на все».
Дж. Х. Чейз

Джеймс Хэдли Чейз
Найди его, а я разберусь

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67321509
Джеймс Хэдли Чейз Найди его, а я разберусь:
ISBN 978-5-389-21057-8

Аннотация

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз.

«Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм».

Эду Доусону стоило бы как следует подумать, прежде чем затевать интрижку с дочкой своего босса, но такой девушке, как Хелен Чалмерз, трудно в чем-либо отказать. Однако на кону оказалось гораздо больше чем повышение по службе…

Содержание

Часть первая 5
Часть вторая 36
Часть третья 58
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Джеймс Хэдли Чейз
Найди его, а я разберусь

James Hadley Chase
YOU FIND HIM, I'LL FIX HIM
Copyright © Hervey Raymond, 1956
All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»
Перевод с английского Елены Королевой
Серийное оформление и оформление обложки Валерия Гореликова

© Е. А. Королева, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая

I

Жарким июльским днем я дремал у себя в кабинете, никому не досаждая и покончив со всеми важными делами, когда меня внезапно привел в чувство телефонный звонок.

Я поднял трубку:

– Да, Джина?

– Звонит мистер Шервин Чалмерз, – задыхаясь, проговорила Джина.

Я и сам начал задыхаться.

– Чалмерз? Боже мой! Но он же не здесь, не в Риме?

– Звонок из Нью-Йорка.

Я снова задышал, хотя и не полной грудью.

– Ладно, соединяй, – произнес я и подался вперед, разволновавшись, словно старая дева, обнаружившая у себя под кроватью мужчину.

Уже четыре года я возглавлял римский офис редакции «Нью-Йорк вестерн телеграмм», но мне впервые предстояло говорить с самим Чалмерзом, владельцем газеты.

Он был мультимиллионером, диктатором в своей специфической сфере деятельности и блистательным газетчи-

ком. Телефонный звонок Шервина Чалмерза был равнозначен приглашению на чай в Белый дом от самого президента США.

Я прижал трубку к уху и принялся ждать. Слышались обычные щелчки и треск, а затем ровный женский голос произнес:

– Мистер Доусон?

Я подтвердил, что это я.

– Не могли бы вы подождать мистера Чалмерза на линии?

Я сказал, что подожду, и подумал, как бы она отреагировала, если бы я заявил, что не стану ждать.

Снова послышались щелчки и треск, а затем голос, похожий на удары молота по наковальне, загромыхал мне в ухо:

– Доусон?

– Да, мистер Чалмерз.

Последовала пауза, а я гадал, за что сейчас получу нагоняй. Наверняка меня ждет нагоняй. Ведь с чего бы этому великому человеку звонить мне – разве только он чем-нибудь недоволен.

Поэтому то, что последовало дальше, стало для меня полной неожиданностью.

– Слушайте, Доусон, – сказал он, – завтра в Рим, рейсом в одиннадцать пятьдесят, прилетает моя дочь. Хочу, чтобы вы встретили ее и проводили в отель «Эксельсиор». Моя секретарша забронировала для нее номер. Вы выполните мое поручение?

В первый раз в жизни я услышал, что у него есть дочь. Я знал, что он был женат четыре раза, но вот существование дочери стало для меня новостью.

– Она будет учиться в римском университете, – продолжал он, выпаливая слова так поспешно, словно ему была смертельно скучна эта тема и хотелось как можно скорее покончить с ней. – Если ей что-то понадобится, я сказал, чтобы обращалась к вам. Но я не хочу, чтобы вы ссужали ее деньгами. Это важно. Она получает от меня шестьдесят долларов в неделю – сумма вполне достаточная для молодой девушки. У нее имеется работа, и, если она будет выполнять ее в соответствии с моими требованиями, у девочки не возникнет особой нужды в деньгах. Но мне важно знать, что рядом есть человек, способный помочь, если ей что-то потребуется, если она заболеет или случится что-нибудь еще.

– Значит, у вашей дочери нет в Риме знакомых? – уточнил я, поскольку мне не понравилось, как все это звучит. Нянька из меня получится так себе.

– Я снабдил ее кое-какими контактами, да и в университете она с кем-нибудь познакомится, – сказал Чалмерз. Я услышал в его голосе раздражение.

– Хорошо, мистер Чалмерз. Я встречу вашу дочь и, если ей что-нибудь понадобится, все устрою.

– Именно это я и хотел услышать. – Последовала пауза, затем он прибавил: – А ваши дела как, в порядке? – Он спрашивал без особого интереса.

Я сказал, что дела сейчас идут несколько вяло.

Снова долгая пауза – я слушал его тяжелое дыхание. Мне живо представлялся невысокий толстый человек с подбородком, как у Муссолини, с глазками-буравчиками и линией рта, похожей на медвежий капкан.

– На прошлой неделе Хаммерсток говорил мне о вас, – произнес он внезапно. – Кажется, он считает, что вас стоит вернуть сюда.

Я сделал медленный, осторожный вдох. Последние десять месяцев я изнывал от желания услышать эту новость.

– Что ж, я, конечно, не против, если это возможно устроить.

– Я подумаю.

Щелчок, раздавшийся в ухе, означал, что он отключился. Я положил телефонную трубку на место, откинулся в кресле, чтобы немного отдышаться, и уставился в стену перед собой, размышляя о том, как было бы здорово оказаться дома после четырех лет, проведенных в Италии. Не то чтобы я не любил Рим, просто я понимал, что, пока сижу на этой должности, у меня нет шансов ни на увеличение жалованья, ни на карьерный рост. Если я хочу чего-то добиться, мне обязательно надо вернуться в Нью-Йорк.

После нескольких минут напряженных раздумий, которые ни к чему меня не привели, я вошел в кабинет Джины.

Джина Валетти, смуглая, миловидная, веселая девушка двадцати трех лет, была моей секретаршей и главным дове-

ренным лицом с тех пор, как я возглавил римский офис редакции. Меня всегда приводило в недоумение, как девушка с таким лицом и фигурой может быть еще и настолько умна.

Джина оторвалась от печатной машинки и вопросительно взглянула на меня.

Я рассказал ей о дочери Чалмерза.

– Звучит восхитительно, правда? – Я присел на край ее стола. – Чванливой корове с неоконченным высшим требуется мой совет и внимание – ради этого я и служу в «Вестерн телеграмм»!

– Она вполне может оказаться красоткой, – с холодком проговорила Джина. – Многие американские девушки красивы и привлекательны. Ты можешь влюбиться в нее. А если женишься на ней, обеспечишь себе весьма завидную жизнь.

– У тебя на уме одни женитьбы, – фыркнул я. – Все вы, итальянки, одинаковы. Ты ведь не видела Чалмерза, зато я видел. Не может она быть красоткой при таком папаше. Кроме того, он не захочет меня себе в зятья. Наверняка у него куда более грандиозные планы насчет своей дочери.

Джина смерила меня долгим, неторопливым взглядом из-под загнутых черных ресниц, а затем пожала красивыми плечами.

– Подожди, пока не увидишь ее, – сказала она.

Джина ошиблась, хотя ошибся и я. Хелен Чалмерз не была красоткой, но при этом она не была и чванливой коровой. Мне она показалась во всех смыслах отрицательной величи-

ной. Блондинка, очки в роговой оправе, какая-то мешковатая одежда и туфли на плоской подошве. Волосы собраны в пучок на затылке. Она казалась такой скучной, какой только и может быть настроенная на серьезную учебу студентка.

Я встретил ее в аэропорту и отвез в отель «Эксельсиор». Я произнес все вежливые фразы, какие полагается произносить перед незнакомыми людьми, и она так же вежливо мне отвечала. К тому времени, когда я доставил ее в отель, она так наскучила мне, что я уже не чаял от нее удрать. Я предложил звонить мне в редакцию, если ей что-нибудь понадобится, дал номер телефона и откланялся. Я был совершенно уверен, что она сможет разобраться с любой потенциальной проблемой без моего совета и участия.

Джина послала в отель цветы от моего имени. Еще она составила каблограмму[1] Чалмерзу, сообщая о благополучном прибытии его дочери.

Я чувствовал, что на этом моя миссия окончена, и, поскольку как раз в это время произошла пара любопытных историй, я выбросил из головы мисс Чалмерз и совершенно о ней позабыл.

Спустя дней десять Джина предложила мне позвонить дочери Чалмерза и поинтересоваться, как она поживает. Я так и сделал, однако в отеле мне сказали, что девушка съехала шесть дней назад и у них нет ее нового адреса.

---

[1] *Каблограмма* – телеграмма, переданная по подводному кабелю, уложенному на дне моря (океана).

Джина посоветовала мне выяснить, куда она переехала, на тот случай, если об этом меня спросит Чалмерз.

– Ладно, вот ты и выясняй, – сказал я. – А мне некогда.

Джина раздобыла нужную информацию в полицейском управлении. Оказалось, мисс Чалмерз сняла трехкомнатную меблированную квартиру на виа Кавур. Джина разузнала телефонный номер, и я позвонил.

Мисс Чалмерз, кажется, удивилась, когда услышала на другом конце провода мой голос, и мне пришлось дважды повторить свое имя, пока до нее дошло, кто говорит. Похоже, она забыла меня так же крепко, как я забыл ее, и, как ни странно, это меня задело. Она сказала, что у нее все в порядке, она прекрасно со всем справляется, спасибо. В ее голосе угадывалось легкое нетерпение, говорившее о том, что ей не нравятся мои расспросы, и еще она перешла на тот вежливый тон, каким пользуются дочки очень богатых людей, когда беседуют с работниками своих папаш, что совершенно вывело меня из себя.

Я быстро свернул разговор, снова напомнив ей, что готов сделать все, что ей потребуется, и повесил трубку.

Джина, прочитавшая все по моему лицу, тактично заметила:

– В конце концов, она же дочка миллионера.

– Да, я знаю, – отозвался я. – С этой минуты пусть заботится о себе сама. Она фактически послала меня куда подальше.

На том мы и порешили.

Следующие четыре недели я ничего не слышал о мисс Чалмерз. У меня было полно дел в редакции, поскольку через пару месяцев я собирался в отпуск, и мне хотелось, чтобы все было в ажуре к тому моменту, когда из Нью-Йорка прибудет мне на смену Джек Максвелл.

Я собирался погулять недельку по Венеции, а затем провести оставшиеся три недели на юге, на острове Искья. За последние четыре года это был первый мой отпуск, и я ждал его с нетерпением. Я собирался ехать один. Люблю побыть наедине с собой, когда выпадает возможность, и еще мне нравится, что всегда можно передумать и сменить гостиницу или срок пребывания, а если ехать с кем-нибудь, никакой свободы передвижения уже не получится.

Спустя четыре недели и два дня после моего телефонного разговора с Хелен Чалмерз мне позвонил Джузеппе Френзи, мой добрый друг, работавший в издании «Л'Италия дель пополо». Он предложил мне отправиться вместе с ним на вечеринку к кинопродюсеру Гвидо Луччино, которую тот устраивал в честь одной кинозвезды, произведшей фурор на кинофестивале в Венеции.

Я люблю итальянские вечеринки. Они шумные и веселые, всегда с отличным угощением. Я сказал Джузеппе, что заеду за ним часов в восемь.

Луччино жил в просторной квартире рядом с Порта Пин-

чиана[2]. Когда мы добрались до его дома, вдоль тротуара уже выстроились «кадиллаки», «роллс-ройсы» и «бугатти», на фоне которых мой «бьюик» 1954 года совершенно поблек, когда я втиснулся на последнее свободное место.

Вечеринка удалась на славу. С большинством гостей я был знаком. Среди них американцев было не меньше половины, и Луччино, питавший к американцам самые теплые чувства, запасся крепкой выпивкой. Часов в десять, пропустив не один стаканчик неразбавленного виски, я вышел в патио, чтобы полюбоваться луной и немного остыть.

В патио стояла в одиночестве девушка в белом вечернем платье. Ее обнаженные плечи и спина казались фарфоровыми в лунном сиянии. Она опиралась руками на балюстраду и, склонив голову набок, смотрела на луну. В свете луны ее светлые волосы поблескивали, как стекло. Я направился к ней и остановился рядом. И тоже принялся созерцать луну.

– Весьма недурно после той суматохи, что внутри, – заметил я.

– Да.

Она не обернулась, чтобы взглянуть на меня. Я украдкой покосился на нее.

Настоящая красавица. Мелкие черты лица, блестящие алые губы, глаза, сияющие отраженным лунным светом.

– Мне казалось, я знаю в Риме всех, – сказал я. – Как получилось, что с вами мы не знакомы?

---

[2] *Порта Пинчиана* – античные ворота в Риме.

Она повернула голову и взглянула на меня. Затем улыбнулась.

– Мы знакомы с вами, мистер Доусон, – сказала она. – Неужели я так сильно изменилась, что вы меня не узнаете?

Я таращился на нее, внезапно ощутив, как пульс у меня участился и что-то сжалось в груди.

– Я не узнаю вас, – признался я, думая, что передо мной стоит самая прекрасная женщина в Риме, такая юная и соблазнительная.

Она рассмеялась:

– Вы в этом уверены? Я же Хелен Чалмерз.

II

Моим первым порывом, когда я услышал ее имя, было сказать, как она изменилась, как я удивился, увидев, насколько она прекрасна, и наговорить прочей ерунды, однако, глядя в эти сияющие отраженным светом луны глаза, я передумал. Я понял, какой ошибкой будет сообщать очевидное.

Я провел с ней в патио полчаса. Эта неожиданная встреча выбила меня из колеи. Я отчетливо сознавал, что она дочь моего босса. Сама она тоже держалась скованно, но скучной не казалась. Мы вели разговор о разных отвлеченных предметах. Обсуждали вечеринку, говорили о том, кто есть кто, о том, как хорош оркестр и как чудесна ночь.

Меня тянуло к ней, как булавку притягивает к магниту. Я

не мог отвести от нее взгляд. Я не мог поверить, что это прелестное создание – та же самая девушка, которую я встречал в аэропорту, это казалось просто невозможным.

Внезапно, посреди нашего разговора о высоких материях, она спросила:

– Вы здесь на машине?

– Ну да. Стоит на улице.

– Вы не довезете меня до дома?

– Что, прямо сейчас? – Я ощутил разочарование. – Вечеринка скоро достигнет апогея. Разве вы не хотите потанцевать?

Она внимательно посмотрела на меня. Взгляд ее голубых глаз ощупывал, вызывал неловкость.

– Извините. Я не собиралась вас торопить. Не волнуйтесь, я возьму такси.

– Ничего вы меня не торопите. Если вы действительно хотите уйти, я с радостью доставлю вас домой. Просто мне казалось, вам здесь нравится.

Она пожала плечами и улыбнулась.

– Где ваша машина?

– В конце улицы, черный «бьюик».

– В таком случае встретимся в машине.

Она отошла, а когда я хотел ее сопроводить, она вскинула руку в безошибочно читавшемся жесте. Она давала понять, что нас не должны видеть вместе.

Я позволил ей уйти вперед, пока закуривал сигарету. Вне-

запно все стало похоже на тайный сговор. Я заметил, что руки у меня подрагивают. Дав ей пару минут, я вернулся в набитую людьми просторную гостиную, высматривая Луччино, но, так и не увидев его, решил, что мои благодарности подождут до завтрашнего утра.

Я вышел из квартиры, спустился по лестнице и оказался на длинной улице.

Оказалось, мисс Чалмерз уже ждет в «бьюике». Я уселся на водительское сиденье.

– Поезжайте в самое начало виа Кавур.

Я поехал по виа Витторио-Венето. Обычно плотное движение в этот час немного ослабло, и у меня ушло всего десять минут, чтобы довезти ее до улицы, на которой она жила. За время пути никто из нас не проронил ни слова.

– Остановите, пожалуйста, здесь, – попросила она.

Я затормозил и вышел из машины. Обошел ее кругом, открыл для нее дверцу с пассажирской стороны. Она вышла и оглядела из конца в конец пустынную улицу.

– Подниметесь ко мне? Не сомневаюсь, у нас найдется немало тем для разговоров, – сказала она.

Я снова вспомнил, что она дочь моего босса.

– Я бы с удовольствием, но, наверное, не стоит, – ответил я. – Уже поздно. Не хочу никого беспокоить.

– Вы никого не побеспокоите.

Она двинулась по улице, а я погасил фары в машине и последовал за ней.

Я рассказываю об этом так подробно, потому что хочу, чтобы у вас сложилось верное представление о начале наших с Хелен отношений. Возможно, в это сложно поверить, однако, знай я, что в квартире никого нет: ни подруги, ни прислуги – вообще ни души, меня туда и на аркане не затащили бы. Только я не знал. Я думал, что там будет хотя бы домработница.

Но все равно меня смущало, что я иду в гости к девушке в столь поздний час. Я все гадал, как отреагирует Шервин Чалмерз, если кто-нибудь расскажет ему, что меня заметили входящим в квартиру его дочери без четверти одиннадцать вечера.

Мое будущее и все, что с ним связано, было в руках Чалмерза. Одно его слово – и меня вышибут из газетного мира раз и навсегда. Заводить роман с его дочерью, вероятно, так же опасно, как заводить роман с гремучей змеей.

Обдумывая все впоследствии, я осознал, что Хелен тоже не собиралась рисковать. Она не позволила мне выйти с ней вместе из квартиры Луччино и велела остановить машину в двух сотнях ярдов от входа в ее дом, чтобы ни один умник из числа моих друзей, заметив мою машину, не смог бы сложить два и два.

Мы поднялись на ее этаж в автоматическом лифте, никого не встретив в фойе. В квартиру мы вошли никем не замеченные. Когда Хелен закрыла входную дверь и провела меня в большую красивую гостиную с неярким светом, украшен-

ную вазами с цветами, я внезапно осознал, что мы с ней в квартире вдвоем.

Она бросила в кресло свой палантин и подошла к изысканному коктейльному бару.

– Будете ржаной виски или джин?

– Вы ведь не одна здесь живете? – поинтересовался я.

Она обернулась и пристально посмотрела на меня. В приглушенном свете выглядела она ошеломительно.

– Почему же нет? Одна. Разве это преступление?

Я ощутил, как у меня вспотели ладони.

– Я не могу остаться. Вы должны это понимать.

Она продолжала сверлить меня взглядом, и ее брови удивленно поползли вверх.

– Значит, вы боитесь моего отца?

– Дело не в том, что я боюсь вашего отца, – ответил я, разозлившись, что она с такой проницательностью попала прямо в точку. – Я не могу оставаться здесь с вами наедине, и вы должны это понимать.

– Ну, не глупите, – раздраженно бросила она. – Неужели нельзя вести себя по-взрослому? Если мужчина и женщина остаются в квартире наедине, разве это означает, что они должны вести себя неприлично?

– Загвоздка не в этом. Так подумают другие.

– Какие другие?

Она меня переиграла. Я знал, что никто не видел, как мы входили в квартиру.

– Меня могут увидеть, когда я буду выходить. Кроме того, это вопрос принципа…

Она неожиданно рассмеялась:

– О боже мой! Ну хватит уже разыгрывать из себя ханжу, угомонитесь.

Мне надо было хватать шляпу и бежать. Если бы я так и сделал, спасся бы от множества неприятностей, мягко говоря. Но есть во мне какая-то бесшабашная удаль, которая время от времени пересиливает обычную рассудительность, – именно это и случилось в тот момент.

Поэтому я сел и глотнул протянутого мне неразбавленного ржаного виски со льдом, наблюдая, как она смешивает для себя джин с тоником.

В Риме я прожил уже четыре года и вел себя все это время не вполне безгрешно. Итальянки добросердечные и привлекательные.

Мне довелось пережить с некоторыми из них весьма запоминающиеся моменты, однако, сидя там и глядя на Хелен в белом платье, я сознавал, что это самый запоминающийся момент из всех. Это было нечто особенное, нечто такое, от чего у меня перехватывало дыхание и ощущалась легкая эйфория.

Хелен отошла к камину и прислонилась к каминной полке, поглядывая на меня с легкой улыбкой.

Поскольку я сознавал всю опасность положения и уже сам с готовностью лез прямо на рожон, я спросил:

– Ну, как ваша учеба в университете?

– О, это была просто уловка, – беззаботно отмахнулась она. – Пришлось придумать какой-то предлог для отца, иначе он не отпустил бы меня сюда одну.

– Вы хотите сказать, что не учитесь в университете?

– Конечно нет.

– Но если он узнает?

– Да откуда? Он слишком занят своими делами, чтобы переживать из-за меня, – ответила она, и я уловил в ее голосе горестную нотку. – На самом деле ему интересны только он сам и его нынешняя женщина. А я лишь путалась у него под ногами, поэтому и сказала, что хочу изучать архитектуру в римском университете. Между Римом и Нью-Йорком много миль. Пока я в Риме, я не смогу нечаянно войти в комнату, где отец пытается убедить очередную охотницу за состоянием, что он гораздо моложе, чем выглядит, поэтому он и ухватился за мысль отправить меня сюда.

– Значит, очки в роговой оправе, туфли на низком каблуке и пучок на затылке были частью маскарада? – уточнил я, понимая, что она, рассказывая все это, делает меня соучастником, и если Чалмерз узнает, моя голова полетит с плеч вместе с ее.

– Разумеется. Дома я всегда так одеваюсь. Отец убежден, что я серьезная студентка. Если бы он увидел меня такой, как сейчас, он нанял бы какую-нибудь благонадежную старуху мне в дуэньи.

– И вы так спокойно об этом говорите?

– А почему бы нет? – Она прошлась по комнате и упала в шезлонг. – Моя мать умерла, когда мне было десять. У отца после нее было еще три жены, две из которых всего на пару лет старше меня сегодняшней, а третья даже моложе. И всем им я была нужна как эпидемия полиомиелита. Мне нравится жить самой по себе, я веселюсь на полную катушку.

Глядя на нее, я мог поверить, что она веселится на полную катушку – наверное, даже беспечнее, чем стоило бы.

– Вы совсем еще ребенок, и такая жизнь не для вас, – заявил я.

Она засмеялась:

– Мне двадцать четыре, я не ребенок, и именно такая жизнь мне нравится.

– Зачем рассказывать об этом мне? Что мне помешает отправить вашему отцу тревожную телеграмму и сообщить о происходящем?

Она покачала головой:

– Вы этого не сделаете. Я говорила с Джузеппе Френзи. Он очень хорошо отзывался о вас. И я не привела бы вас сюда, если бы не была в вас уверена.

– Для чего именно вы привели меня сюда?

Она пристально посмотрела на меня, и от выражения, застывшего в ее глазах, у меня вдруг перехватило дыхание. Это выражение считывалось безошибочно: она приглашала меня перейти к действию и заняться с ней любовью.

– Вы мне понравились, – сказала она. – Итальянцы здорово приедаются. Они такие настойчивые и прямолинейные. Я попросила Джузеппе привести вас на вечеринку, и вот мы здесь.

Не думайте, что я не ощутил искушения. Я понимал, что от меня требуется всего лишь подняться и заключить ее в объятия, и я не встретил бы сопротивления. Только это было слишком уж вульгарно, слишком бездушно, и такое отношение с ее стороны меня шокировало. Кроме того, я не забывал о своей работе. Мне больше хотелось сохранить должность, чем путаться с дочкой босса. Я поднялся с места.

– Понятно. Что ж, уже поздно. Мне еще надо закончить кое-какую работу, прежде чем ложиться спать. Я поеду.

Она пристально глядела на меня, поджав губы.

– Но вы не можете уйти так сразу. Вы ведь только что пришли.

– Прошу прощения. Мне надо идти.

– То есть вы не хотите остаться?

– Я не просто не хочу – я не останусь.

Она вскинула руки и запустила пальцы себе в волосы. Наверное, это самый провокационный жест, на который способна женщина. Если у нее еще и фигура подходящая, нет движения более красноречивого, чем эти поднятые руки и устремленный на мужчину взгляд, каким Хелен смотрела на меня. Я едва не поддался, но все-таки устоял.

– Я хочу, чтобы вы остались.

Я покачал головой:

– Мне действительно нужно идти.

Она всматривалась в меня один долгий миг, и в глазах ее не отражалось никаких чувств. Затем она пожала плечами, опустила руки и встала.

– Ладно, если вам так хочется.

Она подошла к двери, открыла ее, вышла в прихожую. Я последовал за ней, взял шляпу, которую оставил в прихожей на стуле. Она распахнула входную дверь, выглянула в коридор, затем отступила в сторону.

Мне очень не хотелось уходить. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы шагнуть в коридор.

– Может быть, вы не откажетесь как-нибудь поужинать со мной или сходить в кино?

– Мне будет очень приятно, – вежливо отозвалась она. – Спокойной ночи.

Она отстраненно улыбнулась и захлопнула дверь у меня перед носом.

III

Конечно же, на этом дело не кончилось. Я хотел бы оставить все как есть, однако отношения между таким мужчиной, как я, и такой девушкой, как Хелен, рано или поздно обязательно усложняются.

Я старался выбросить мысли о ней из головы, но не пре-

успел в этом. Я постоянно вспоминал выражение, застывшее в ее глазах, когда я уходил, и это сводило меня с ума. Я понимал, что нарываюсь на неприятности, но все же в Хелен было такое очарование, что всякие неприятности казались нереальными. В моменты просветления я говорил себе: ведь я же вижу, что она настоящая зараза, однако в моменты не столь просветленные я говорил: да какая разница?

Следующие дней пять или шесть она не выходила у меня из головы. Я не рассказывал Джине о том, как повстречался с Хелен на вечеринке, однако Джина обладала весьма неприятной способностью понимать, что у меня на уме, и я несколько раз ловил на себе ее недоуменный, вопрошающий взгляд.

На шестой день я более-менее дозрел. Эта потрясающая блондинка настолько захватила мои мысли, что я никак не мог сосредоточиться на работе. Я решил разрядить напряжение и, вернувшись домой, позвонил Хелен.

Никто не взял трубку. За вечер я звонил трижды. На четвертой попытке, приблизительно в два часа ночи, трубку сняли, и я услышал ее голос:

– Алло?

– Это Эд Доусон, – сказал я.

– Кто?

Я усмехнулся в трубку. Это было уже откровенно шито белыми нитками. И подсказало мне, что она заинтересована во мне так же, как я – в ней.

– Давайте я освежу вашу память. Я тот парень, который возглавляет редакцию «Вестерн телеграмм» в Риме.

Тогда она засмеялась.

– Привет, Эд!

Так-то лучше.

– Мне одиноко, – пожаловался я. – Есть надежда, что ты согласишься встретиться со мной завтра вечером? Я подумал, если тебе нечем заняться, мы могли бы поужинать в «Альфредо».

– Ты не подождешь минутку? Мне надо свериться с записной книжкой.

Я ждал, понимая, что она решила меня проучить, но мне было наплевать. После двухминутной паузы она вернулась к телефону.

– Завтра вечером не смогу. У меня назначена встреча.

Мне следовало бы выразить огорчение и повесить трубку, но я зашел слишком далеко, чтобы отступать.

– В таком случае когда ты свободна?

– Скажем, в пятницу.

Оставалось еще три дня.

– Хорошо, значит, в пятницу вечером.

– Только я не пойду в «Альфредо». Есть какое-нибудь место поспокойнее?

Это заставило меня притормозить. Я не подумал о том, что нам опасно появляться на людях вместе, а вот она подумала.

– Да, верно. Как насчет маленького ресторанчика напротив фонтана Треви?

– Хорошо. Да, это было бы здорово.

– Встретимся прямо там. В котором часу?

– В половине девятого.

– Ладно, тогда до встречи.

До пятницы моя жизнь потеряла смысл. Я видел, что Джина переживает из-за меня. Впервые за четыре года я срывал на ней свое раздражение. Я не мог сосредоточиться, был не в состоянии проявить интерес к текущей работе. На уме была одна Хелен.

Мы поужинали в маленьком ресторанчике. Ужин был неплохой, но не могу вспомнить, что именно мы ели. Оказалось, мне трудно поддерживать беседу. Мне хотелось лишь смотреть на Хелен. Она держалась холодно, отстраненно, но в то же время так и манила. Если бы она пригласила меня к себе, я пошел бы, послав ко всем чертям Шервина Чалмерза, однако она не пригласила. Она сказала, что доедет до дома на такси. Когда я намекнул, что мог бы ее проводить, она красиво меня отшила. Я стоял перед рестораном, глядя, как такси маневрирует по узкой улице, пока не потерял его из виду. Затем я пешком отправился к себе, переполненный разными мыслями. Свидание не помогло, на самом деле после него стало только хуже.

Спустя три дня я снова позвонил Хелен.

– Я сильно занята, – сказала она, когда я предложил схо-

дить в кино. – Сомневаюсь, что удастся вырваться.

– А я так надеялся. Через пару недель я уезжаю в отпуск. И тогда мы не увидимся еще целый месяц.

– Ты уезжаешь на месяц?

Голос ее зазвенел, как будто мне удалось вызвать ее интерес.

– Да. Поеду в Венецию, а оттуда на Искью. Собираюсь задержаться там недели на три.

– С кем ты едешь?

– Я еду один. Но сейчас не об этом: как насчет кино?

– Ладно, может быть. Не знаю. Я сама тебе позвоню. А сейчас мне пора. Ко мне кто-то пришел. – И она повесила трубку.

Она молчала пять дней. Затем, когда я уже собирался перезвонить сам, она позвонила мне на домашний номер.

– Я все собиралась тебе позвонить, – сказала она, как только я снял трубку, – но до сих пор не было ни минуты свободной. Ты сейчас занят чем-нибудь?

Было уже двадцать минут первого ночи. Я собирался ложиться спать.

– Ты имеешь в виду, прямо в эту минуту?

– Да.

– Нет. Я собирался в постель.

– Может, приедешь ко мне? Только машину перед домом не ставь.

Я не стал колебаться.

– Конечно, сейчас приеду.

Я прокрался в ее многоквартирный дом словно вор, старательно следя за тем, чтобы никто меня не заметил. Ее дверь была приоткрыта, и мне всего лишь оставалось шагнуть из лифта прямо в ее прихожую.

Хелен я обнаружил в гостиной, она перебирала стопку долгоиграющих пластинок. Она была закутана в белый шелковый палантин, светлые волосы струились по плечам. Выглядела она прекрасно и знала об этом.

– Значит, нашел дорогу? – спросила она, откладывая в сторону пластинки и улыбаясь мне.

– Это было нетрудно. – Я закрыл дверь. – Ты понимаешь, что мне не стоит сюда приходить – это прямой путь к настоящим неприятностям?

Она пожала плечами:

– Ты не обязан оставаться.

Я подошел к ней.

– Я и не собираюсь оставаться. Зачем ты просила меня приехать?

– Да ради бога, Эд! – нетерпеливо воскликнула она. – Неужели ты не можешь на минутку расслабиться?

Теперь, когда я оказался с нею наедине, я снова насторожился. Одно дело мечтать о том, чтобы остаться с нею наедине, но совсем другое – действительно остаться вдвоем, когда твоя карьера зависит от возможного разоблачения. Я уже сожалел, что приехал.

– Не могу расслабиться, – сказал я. – Слушай, мне приходится думать о будущем. Если твой отец когда-нибудь узнает, что я закрутил с тобой роман, мне конец. Это серьезно. Он позаботится о том, чтобы я не получил работы ни в одной газете до конца своих дней.

– А ты закрутил со мной роман? – спросила она, широко раскрывая глаза и глядя на меня с изумлением.

– Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Но он не узнает, откуда же ему узнать?

– Он может. Если кто-нибудь увидит, как я прихожу сюда или ухожу, ему сообщат.

– Значит, ты должен быть осторожнее, чтобы тебя не увидели. Это не так уж трудно.

– Хелен, работа значит для меня все. Это моя жизнь.

– А ты не из тех, кого называют романтиками, верно? – сказала она и засмеялась. – Мои итальянцы не думают о работе, они думают обо мне.

– Но речь сейчас не о твоих итальянцах.

– Ну, Эд, сядь наконец и успокойся. Теперь ты уже здесь, зачем же так себя накручивать?

Тогда я сел, твердя про себя, что сошел с ума, явившись сюда.

Она подошла к бару.

– Будешь скотч или ржаной виски?

– Наверное, скотч.

Я наблюдал за ней, размышляя, зачем она позвала меня

в такой поздний час. Соблазнять меня она точно не собиралась.

– Да, Эд, пока я не забыла: ты не взглянешь на эту камеру? Купила вчера, а вот эта штуковина, затвор, не работает. Ты понимаешь что-нибудь в кинокамерах?

Она махнула рукой на дорогой кожаный футляр, висевший на стуле. Я подошел, открыл футляр и вынул шестнадцатимиллиметровую кинокамеру «Болекс» с турелью на три сменных объектива.

– Ого! Классно, – сказал я. – Но, Хелен, что ты собралась делать с таким аппаратом? Он, наверное, стоит кучу денег.

Она засмеялась.

– Действительно дороговато, но мне всегда хотелось кинокамеру. Должно же у девушки быть хотя бы одно хобби, как ты считаешь? – Она бросила в два бокала колотый лед. – Хочу снять фильм, как я была в Риме – буду пересматривать на старости лет.

Я повертел камеру в руках. До меня вдруг дошло, что Хелен явно не укладывается в ту сумму, которой обеспечивает ее отец. Чалмерз упоминал, что выделяет ей шестьдесят долларов в неделю. Сказал, что не хочет давать больше. Я знал, сколько стоят квартиры в Риме, и эта, вероятно, обходится долларов в сорок за неделю. Я бросил взгляд на бар, заставленный всевозможными бутылками. Как это она умудряется жить с таким шиком? А теперь еще ни с того ни с сего купила дорогую кинокамеру.

– Кто-то оставил тебе наследство?

Она часто заморгала и на какой-то миг показалась сконфуженной, но всего на миг.

– Хотелось бы. Почему ты спросил?

– Не мое дело, конечно, но все это должно обходиться в круглую сумму, разве нет? – Я жестом обвел комнату.

Она пожала плечами:

– Наверное, так и есть. Отец обеспечивает мне щедрое содержание. Ему нравится, когда я живу на широкую ногу.

Рассказывая все это, она не смотрела на меня. Даже если бы я не знал, какую именно сумму выделяет ей отец, мне было бы очевидно, что она лжет. Все это вызывало недоумение, однако я решил, что дело действительно не мое, и сменил тему.

– Так что там с камерой?

– Вот этот затвор не спускается.

Показывая, она коснулась тыльной стороны моей руки.

– Так у тебя камера стоит на предохранителе, – пояснил я, показывая. – Вот эта штучка. Ты нажимаешь на нее, и затвор срабатывает. Такие предохранители ставят, чтобы камера не начала снимать случайно.

– Боже мой! А я сегодня едва не отнесла ее обратно в магазин. Наверное, стоит почитать инструкцию. – Она забрала у меня камеру. – Я никогда не разбиралась в технике. Зато смотри, сколько пленки я накупила. – Она указала на десять коробок с шестнадцатимиллиметровой пленкой, сложенных

на столе.

– Но ты же не собираешься потратить все это на Рим? – спросил я. – Тут хватит на всю Италию.

Она как-то странно посмотрела на меня, несколько лукаво, как мне показалось.

– Я приберегу большую часть для Сорренто.

– Сорренто? – удивился я. – Значит, ты собралась в Сорренто?

Она улыбнулась:

– Не ты один уезжаешь в отпуск. Ты когда-нибудь бывал в Сорренто?

– Нет. Я никогда не забирался так далеко на юг.

– Я сняла виллу прямо под Сорренто. Она классная и расположена очень и очень уединенно. Пару дней назад я слетала в Неаполь и обо всем договорилась. Даже наняла в ближайшей деревне женщину, которая будет вести хозяйство.

У меня внезапно возникло ощущение, что Хелен рассказывает мне все это неспроста. Я пристально взглянул на нее.

– Звучит недурно, – заметил я. – Когда ты едешь?

– Тогда же, когда ты на Искью. – Она положила кинокамеру на стол, подошла и села рядом со мной на козетку. – И, как и ты, я поеду одна.

Она взглянула на меня. От приглашения, читавшегося в ее глазах, сердце у меня часто забилось. Она подалась ко мне, и ее пухлые алые губы приоткрылись. Не успел я понять, что делаю, как она оказалась в моих объятиях, и я уже целовал

ее.

Наш поцелуй длился, наверное, секунд двадцать, я действительно увлекся, а потом ощутил у себя на груди ее руки: она отталкивала меня, и это настойчивое давление привело меня в чувство. Я выпустил ее и поднялся.

– Вести себя так – просто безумие, – сказал я, задыхаясь, словно старик, бегом поднявшийся по лестнице. Я стер со рта губную помаду.

– Безумие так вести себя в Риме, – возразила она, откидываясь на спинку козетки и улыбаясь мне, – но не в Сорренто.

– Нет, послушай… – начал я, но она вскинула руку, заставляя меня умолкнуть.

– Я знаю, что ты чувствуешь по отношению ко мне. Я не ребенок. Я чувствую к тебе то же самое, – сказала она. – Поедем со мной в Сорренто. Все уже устроено. Я понимаю, что ты переживаешь из-за отца и своей работы, но обещаю тебе, ты будешь в полной безопасности. Я сняла виллу на имя мистера и миссис Дуглас Шеррард. Ты станешь мистером Шеррардом, американским бизнесменом на отдыхе. Никто нас там не узнает. Неужели ты не захочешь провести со мной месяц, только ты и я?

– Но мы не можем, – запротестовал я, понимая, что нет ни одной причины, чтобы мы не могли, и желая это сделать. – Нельзя вот так бросаться, очертя голову…

– Не осторожничай сверх меры, дорогой. Никуда мы не бросаемся. Я все тщательно спланировала. Я поеду на вил-

лу на своей машине. Ты отправишься днем позже поездом. Место там чудесное. Вилла стоит на высоком холме с видом на море. На четверть мили вокруг больше никакого жилья. – Она вскочила на ноги и принесла крупномасштабную карту, лежавшую на столе. – Я покажу тебе точное место. Смотри, вилла отмечена на карте. Называется «Белла Виста», ну разве не прелесть? А с террасы там видно залив и Капри. При вилле сад: апельсиновые и лимонные деревья, виноград… Место совершенно уединенное. Тебе понравится.

– Еще бы мне не понравилось, Хелен! – сказал я. – Признаюсь, я бы хотел. Да и какой мужчина не захотел бы, но что будет с нами после того, как пройдет этот месяц?

Она засмеялась:

– Если ты боишься, что я заставлю тебя жениться на мне, – не бойся. Я в ближайшие годы замуж не собираюсь. И думать об этом не желаю. Я даже не знаю, люблю ли тебя, Эд, но я точно знаю, что хочу провести месяц наедине с тобой.

– Мы не можем, Хелен. Это неправильно…

Она коснулась кончиками пальцев моего лица.

– Будь, пожалуйста, душкой, уходи пока. – Она потрепала меня по щеке, а затем отодвинулась от меня. – Я только что вернулась из Неаполя и сильно устала. Говорить больше не о чем. Обещаю, там будет безопасно. Все зависит только от того, хочешь ты провести со мной месяц или нет. Обещаю, ты не будешь связан какими-либо условиями. Подумай пока. До двадцать девятого числа больше никаких встреч. Я буду

ждать на вокзале Сорренто поезд из Неаполя, прибывающий в три тридцать. Если тебя не окажется в поезде, я пойму.

Она пересекла прихожую и на несколько дюймов приоткрыла входную дверь.

Я подошел к ней.

– Нет, Хелен, подожди…

– Прошу тебя, Эд. Давай больше не будем ничего обсуждать. Ты либо приедешь на том поезде, либо нет. Вот и все. – Ее губы скользнули по моим. – Спокойной ночи, дорогой.

Я поглядел на нее, она поглядела на меня.

Выходя в коридор, я знал, что приеду на том поезде.

Часть вторая

I

До поездки в Сорренто оставалось пять дней. За это время предстояло многое сделать, но мне почему-то было трудно сосредоточиться.

Я был словно подросток, с нетерпением ждущий первого свидания. Это меня раздражало. Я-то воображал себя достаточно искушенным, чтобы справиться с ситуацией, в которую поставила меня Хелен, но оказалось, что это не так. Мысль о том, чтобы провести целый месяц наедине с этой будоражащей воображение девушкой, действительно меня захватила. В моменты просветления – а они случались редко – я говорил себе, что соглашаться на это – безумие, но тут же успокаивал себя тем, что Хелен все предусмотрела. Она сказала, там безопасно, и я верил ей. Я говорил себе, что буду дураком, если не ухвачусь за возможность и откажусь от ее предложения.

За два дня до моего отъезда в Рим прилетел Джек Максвелл, чтобы принять дела на время моего отсутствия.

В 1949 году мы работали с ним бок о бок в Нью-Йорке. Он был крепкий репортер, однако иных талантов, кроме как

чутья на новости, за ним не водилось. Я был о нем не особенно высокого мнения. Он был слишком смазливым, слишком лощеным, слишком хорошо одевался и вообще в целом был слишком хорош.

Я подозревал, что он любит меня не больше, чем я его, впрочем, это никак не помешало мне устроить ему теплую встречу. После того как мы часа два просидели в редакции, обсуждая предстоявшую ему работу, я предложил вместе поужинать.

– Прекрасно, – согласился он. – Посмотрим, что может предложить этот древний город. Но предупреждаю, Эд: я надеюсь увидеть только самое лучшее.

Я отвел его в «Альфредо», один из лучших ресторанов Рима, и заказал поркетта – жаренного на вертеле молочного поросенка, из которого вынимают кости и начиняют его печенью, колбасным фаршем и травами, – невероятное кушанье.

Когда мы поужинали и приступили уже к третьей бутылке вина, Максвелл наконец расслабился и сделался дружелюбным.

– Ты счастливчик, Эд, – сказал он, принимая предложенную мною сигарету. – Может, ты пока еще не в курсе, но ты на особом счету в нью-йоркском офисе. Хаммерсток очень высокого мнения о тех материалах, которые ты присылаешь. И я скажу тебе кое-что по секрету – только, чур, никому ни слова. Хаммерсток вернет тебя обратно в Нью-Йорк через

пару месяцев. План такой: я заменяю тебя здесь, а ты возглавляешь там отдел международных новостей.

– Не могу поверить, – сказал я, уставившись на него. – Ты меня разыгрываешь.

– Это факт. Я не стал бы шутить такими вещами.

Я силился не выдать своего волнения, но вряд ли у меня хорошо получилось. Занять должность главы отдела международных новостей в нью-йоркском офисе было пределом моих мечтаний. И не только потому, что это означало куда больше денег, это была еще и самая настоящая синекура по сравнению со всеми остальными должностями в «Вестерн телеграмм».

– Через пару дней об этом будет объявлено официально, – сказал мне Максвелл. – Старик уже одобрил. Ты счастливчик.

Я согласился, что так и есть.

– Тебе не жаль покидать Рим?

– Это я переживу, – сказал я, широко улыбаясь. – Такая работа стоит того, чтобы уехать из Рима.

Максвелл пожал плечами:

– Ну не знаю. Я бы на эту должность не хотел. Очень уж напрягает, я бы с ума сошел, торчать все время под носом у старика. – Он поудобнее устроился в кресле. – А этот поросенок был недурен. Наверное, мне понравится в Риме.

– Ни один город мира с ним не сравнится.

Он сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой и выпустил об-

лачко дыма мне в лицо.

– Кстати, как тут прижилась неистовая Хелен?

Этот вопрос меня насторожил.

– Кто?

– Хелен Чалмерз. Ты же вроде ее нянька или что-то в этом роде?

Для меня загорелся красный свет. У Максвелла нюх на скандалы. Если у него зародится хотя бы малейшее подозрение, что между мной и Хелен что-то есть, он начнет копать и в итоге раскопает, что именно.

– Я был ее нянькой ровно один день, – небрежным тоном отозвался я. – А с тех пор я ее и не видел. Старик велел мне встретить ее в аэропорту и заселить в отель. Наверное, она грызет гранит науки в университете.

Его брови изумленно взлетели.

– Что она делает?

– Учится в университете, – повторил я. – Она ведь приехала сюда архитектуру изучать.

– Хелен? – Он подался вперед, уставившись на меня, а потом расхохотался. – Никогда не слышал ничего смешнее. Хелен изучает архитектуру!

Он снова откинулся на спинку кресла, взревев от смеха. Люди начали оборачиваться на нас. Он в самом деле ржал так, словно услышал самый уморительный анекдот на свете. Мне это вовсе не казалось таким уж смешным. Я с трудом сдерживался, чтобы не отодвинуть кресло и не съездить ку-

лаком по его смазливой физиономии.

Отсмеявшись, он перехватил мой взгляд. Наверное, он увидел, что меня это вовсе не веселит, поскольку попытался успокоиться и, извиняясь, взмахнул рукой.

– Прости, Эд. – Он вынул носовой платок и промокнул глаза. – Если бы ты знал Хелен, как знаю ее я… – Он снова заржал.

– Слушай, неужели это настолько смешно, – произнес я с досадой в голосе. – В чем дело?

– Еще как смешно. Только не говори, что она сумела тебя провести. До сих пор единственным мужчиной в редакции «Телеграмм», не раскусившим ее, оставался ее собственный папаша. Только не говори, что ты так и не составил о ней мнение.

– Ничего не понимаю. О чем ты толкуешь?

– Ну, значит, ты действительно больше с ней не встречался. Я-то думал, она станет тебя клеить, она вроде западает на крупных, мускулистых парней. Только не говори, что она заявилась в Рим в своих туфлях без каблука, очочках и с прилизанными волосами!

– Я все равно не понимаю, что ты пытаешься сказать, Джек. Что все это значит?

– Все это? – Он ухмыльнулся. – Похоже, ты даже более везучий, чем мне казалось, или невезучий, зависит от того, с какой стороны посмотреть. У нас-то все парни ее знают. Слава у нее дурная. Когда мы услышали, что Хелен собра-

лась в Рим, а старик поручает тебе присматривать за ней, все мы решили, что рано или поздно тебе кранты. Она подбивает клинья ко всем, кто носит штаны. Так ты всерьез хочешь убедить меня, что она не пыталась с тобой заигрывать?

Я ощутил, как меня бросило в жар, а потом в холод.

– Это для меня что-то новенькое, – отвечал я равнодушным тоном.

– Ну и ну. Она ведь просто проклятье для мужчины. Конечно, признаю: все при ней. Она красотка, у нее зазывный взгляд, а от ее фигуры воспрянет даже покойник, но какие беды грозят из-за нее нашему брату! Не будь Чалмерз самой большой шишкой в репортерском мире, все газеты Нью-Йорка выходили бы с посвященными ей заголовками минимум раз в неделю. Ее имя не треплют в прессе, поскольку никто из репортеров не хочет ссориться со стариком. А она вляпывается практически в любую грязь. И из Нью-Йорка она слиняла сюда только потому, что каким-то боком причастна к убийству Менотти.

Я сидел, окаменев, и лишь таращился на него. Менотти был нью-йоркским гангстером со зловещей репутацией – немыслимо богатый, влиятельный, сам бывший киллер. Он занимался профсоюзным рэкетом, наживался на наркоторговле и проституции – не тот человек, с которым стоит водить знакомство.

– И как она связана с Менотти? – спросил я.

– Ходили слухи, что она его женщина, – сказал Макс-

велл. – Она везде появлялась вместе с ним. Одна маленькая птичка мне напела, что она была у него на квартире, когда его прикончили.

Примерно два месяца назад Менотти был жестоко убит в съемной трехкомнатной квартире, где у него было «любовное гнездышко». Женщина, которая была с ним, исчезла, и полиция так и не смогла ее отыскать. Киллер тоже скрылся бесследно. В основном все считали, что Менотти убит по приказу Франка Сетти, соперничавшего с ним гангстера, которого депортировали из США после обвинения в наркоторговле, и сейчас он, как предполагалось, осел где-то в Италии.

– Что за птичка? – поинтересовался я.

– Это был Эндрюс, который, как тебе известно, всегда в курсе событий. Он обычно знает, о чем говорит. Хотя, может быть, на этот раз ошибся. Все, что я знаю наверняка, – Хелен везде появлялась в обществе Менотти. А в Рим уехала вскоре после того, как Менотти был убит. Консьерж того дома, где удавили Менотти, дал Эндрюсу прекрасное описание исчезнувшей женщины, и Хелен Чалмерз соответствует этому описанию один в один. Наши ребята вышли на консьержа раньше полиции и убедили его молчать, так что никто ничего не узнал.

– Ясно, – сказал я.

– Ну, если тебе не известно никаких пикантных подробностей ее пребывания в Риме, похоже, она здорово испугалась и наконец-то начала вести себя прилично. – Максвелл ух-

мыльнулся. – Честно говоря, я разочарован. Сказать по правде, когда я услышал, что мне предстоит занять твое место, я подумал, не замутить ли мне с ней самому. Она действительно нечто. Раз тебе поручили за ней присматривать, я надеялся услышать от тебя, что вы с ней уже нечто большее, чем старые друзья.

– Ты что, думаешь, я настолько туп, чтобы крутить роман с дочкой Чалмерза? – с жаром спросил я.

– А почему нет? Она стоит того, чтобы крутить с ней роман, и в подобных случаях она старательно заботится о том, чтобы старик никогда об этом не узнал. Она шляется по мужикам лет с шестнадцати, и Чалмерз ни сном ни духом. Если ты не видел Хелен без очков и ее кошмарного пучка, значит ты вообще ее не видел. Она сногсшибательная, и, более того, я слышал, что она очень и очень искушенная. Если она когда-нибудь начнет подбивать клинья ко мне, я не стану возражать.

Понемногу мы вернулись от разговоров о Хелен к делам. Проведя еще час в компании Максвелла, я отвез его обратно в гостиницу. Он сказал, что завтра с утра приедет в редакцию, чтобы разрешить оставшиеся вопросы, и поблагодарил меня за веселый вечер.

– Ты действительно везучий парень, Эд, – сказал он на прощание. – Международные новости, наверное, лучшее в нашем деле. Есть люди, готовые пожертвовать левой рукой, лишь бы заполучить эту должность. Лично я бы ее не хотел.

Слишком много хлопот, однако для тебя… – Он не договорил и широко улыбнулся. – Человек, способный упустить между пальцев такую рыбку, как Хелен… да боже мой! Чем тебе еще заниматься, как не выуживать международные новости?

Он счел это весьма удачной шуткой, похлопал меня по спине и, посмеиваясь на ходу, направился к лифтам.

Мне его шутка не показалась удачной. Я сел за руль и в плотном потоке машин добрался до своего дома. По дороге я успел поразмыслить. Сведения о жизни Хелен, выданные мне Максвеллом, меня потрясли. Я не сомневался, что все сказанное им правда. Я знал, что Эндрюс тщательно проверяет свою информацию. Значит, Хелен путалась с Менотти. Я вдруг задумался, а с кем она путается здесь. Если она еще в Нью-Йорке увлекалась опасными рэкетирами, возможно, она продолжает в том же духе и в Риме. Не потому ли она живет столь роскошно? Не содержит ли ее какой-то мужчина?

К тому времени, когда я уже разделся и ложился в постель, меня мучил вопрос, стоит ли мне, в самом деле, садиться на поезд до Сорренто. Хочу ли я связываться с подобной девицей? Если мне действительно предстоит возглавить отдел международных новостей – а я был уверен, что Максвелл не стал бы об этом говорить, если бы это не было делом решенным, – настоящее безумие ставить на кон подобную должность, когда имеется хотя бы малейший риск.

Как уже было сказано, это самое теплое местечко в газете. Я понимал: стоит Чалмерзу узнать, что мы с его дочерью любовники, и я не только лишусь работы, но и навсегда вылечу из журналистики.

– Нет, – произнес я вслух, выключая свет. – Пусть отправляется в Сорренто сама. Я не поеду. Пусть поищет себе другого дурачка. Лично я еду на Искью.

Однако спустя два дня я сидел в поезде Неаполь – Сорренто. Я все еще твердил, что это глупость и безумие, но, сколько бы я это ни повторял, приказывая себе остановиться, ничего не изменилось. Я уже ехал. И поезд, как мне казалось, идет недостаточно быстро.

II

Прежде чем сесть на поезд до Неаполя, около десяти утра я заглянул в контору – проверить напоследок, все ли в порядке, и забрать адресованные лично мне письма, если таковые пришли.

Максвелла не было, зато я застал Джину, которая просматривала стопку каблограмм.

– Есть что-нибудь для меня? – спросил я, присаживаясь на край ее стола.

– Личной корреспонденции нет. А со всем остальным справится мистер Максвелл, – сказала она, перебирая аккуратно наманикюренными пальчиками каблограммы. – Разве

ты не должен уже быть в пути? Мне казалось, ты хотел выехать пораньше?

– У меня еще полно времени.

Мой поезд до Неаполя уходил только в полдень. Накануне я сказал Джине, что отправляюсь в Венецию, и с трудом отговорил ее заказывать мне билет на экспресс Рим – Венеция.

В этот момент раздался телефонный звонок, и Джина взяла трубку. Я склонился над столом и принялся лениво просматривать каблограммы.

– Кто говорит? – спросила Джина. – Миссис… как вы сказали? Подождите секундочку. Я не уверена, что он здесь. – Она, нахмурившись, взглянула на меня, и я прочел в ее глазах недоумение. – Тебя спрашивает какая-то миссис Дуглас Шеррард.

Я уже собирался ответить, что никогда о такой не слышал и не хочу с ней разговаривать, однако имя показалось каким-то смутно знакомым, отчего у меня в голове зазвучал тревожный набат. Миссис Дуглас Шеррард! Хелен сказала, что на это имя она сняла виллу под Сорренто. Но не Хелен же сейчас на другом конце провода? Не может же она быть настолько беспечной, чтобы звонить мне сюда?

Стараясь не выдать своего внезапного испуга, я протянул руку и взял у Джины трубку. Развернувшись к ней спиной, чтобы она не видела моего лица, я осторожно произнес:

– Алло? Кто говорит?

– Привет, Эд. – Это точно была Хелен. – Я знаю, что мне

не следовало звонить тебе в редакцию, но я звонила на квартиру, а там уже никто не ответил.

Я хотел сказать, что она сошла с ума, коли звонит мне сюда. Я хотел положить трубку, но понимал, что Джина непременно обратит на это внимание.

– В чем дело? – спросил я резко.

– Там кто-то тебя слышит?

– Да.

В довершение ко всему дверь открылась, и в кабинет вихрем ворвался Джек Максвелл.

– С ума сойти! Ты все еще здесь? – воскликнул он, увидев меня. – Я думал, ты уже вовсю катишь в Венецию.

Я замахал на него, чтобы он помолчал, и произнес в трубку:

– Могу я чем-то помочь?

– Да, пожалуйста. Ты не мог бы привезти мне светофильтр «Раттен» номер восемь для моей камеры? Оказалось, он нужен, а в Сорренто такого не продают.

– Конечно, – сказал я. – Я все сделаю.

– Спасибо, дорогой. Мне так не терпится увидеть тебя. Виды здесь просто ошеломительные.

Я боялся, что ее низкий, отчетливый голос достигнет ушей Максвелла. Он явно прислушивался к разговору. И я оборвал ее излияния.

– Я все устрою. Всего хорошего. – И я повесил трубку.

Максвелл вопросительно поглядел на меня.

– Ты всегда разговариваешь с дамами таким тоном? – поинтересовался он, пробегая глазами каблограммы на столе. – Несколько резковато, тебе не кажется?

Я старался не показать, как сильно перепугался, но понимал, что Джина смотрит на меня с недоумением, а когда я отошел от стола, Максвелл тоже уставился в мою сторону.

– Я заскочил узнать, нет ли для меня личных писем, – пояснил я Максвеллу и закурил сигарету, стараясь скрыть свое смятение. – Похоже, мне уже пора.

– Надо тебе научиться расслабляться, – посоветовал Максвелл. – Не будь ты серьезным репортером с безупречной репутацией, я бы заключил по твоему непроницаемому лицу, что у тебя на уме какое-то безобразие. Это так?

– Не говори ерунды! – ответил я, не в силах сдержать раздражение в голосе.

– Ого! Да ты сегодня как будто встал не с той ноги, а? Я же просто пошутил. – Я ничего не ответил, и он продолжил: – Ты на своей машине едешь?

– Нет. Я еду поездом.

– Но хотя бы не один? – спросил он, глядя на меня с хитрецой. – Надеюсь, ты прихватил какую-нибудь хорошенькую блондинку, которая утешит тебя в дождливую погоду?

– Я путешествую один, – заверил я, стараясь не выказать, насколько я зол.

– Могу себе представить! Уж я не стал бы терять времени даром, отправляясь в отпуск на месяц.

– Вероятно, у нас разные предпочтения, – проговорил я, подходя к Джине. – Приглядывай за этим парнем, – сказал я ей. – Не позволяй ему совершать слишком много ошибок и сама не перерабатывай. Увидимся двадцать девятого числа.

– Желаю тебе хорошо провести время, Эд, – отозвалась она негромко. И не улыбнулась. Это меня встревожило. Она чем-то расстроена. – О нас не беспокойся. Все у нас будет хорошо.

– Уверен, что так и будет. – Я развернулся к Максвеллу. – До встречи, и удачной охоты.

– И тебе удачной охоты, брат, – отозвался он, пожимая мне руку.

Я оставил их, спустился в лифте на улицу, подозвал такси и велел водителю ехать в магазин «Барберини». Там я купил нужный Хелен светофильтр, затем снова взял такси и вернулся к себе на квартиру. Побросал в чемодан оставшиеся вещи, убедился, что запер все замки, и отправился на вокзал на очередном такси.

Я сожалел, что остался без машины, однако Хелен взяла свою, а две машины в Сорренто были бы не нужны. Меня не радовало путешествие из Рима до Неаполя на поезде. Расплатившись с таксистом, я отмахнулся от носильщика, который собирался уже схватить мой чемодан, и спешно вошел в просторное здание вокзала.

Купив билет до Неаполя и убедившись, что поезд еще не подан, я подошел к газетному киоску, где разжился стопкой

газет и журналов. Все это время я старательно высматривал вокруг знакомые лица.

Я прекрасно сознавал, что у меня в Риме слишком много приятелей, чтобы я мог позволить себе ни о чем не тревожиться. В любой момент мог появиться кто-нибудь из знакомых. Мне не хотелось, чтобы до ушей Максвелла дошло, что я, вместо того чтобы уехать одиннадцатичасовым поездом в Венецию, садился на двенадцатичасовой до Неаполя.

Ждать оставалось еще десять минут, и я присел на одну из скамеек, стоявших в отдалении в углу. Принялся читать газету, скрывшись за развернутыми страницами. Эти десять минут я просидел как на иголках. Когда я наконец пошел на платформу, мне так и не встретился никто из знакомых. С некоторым трудом отыскав для себя место в поезде, я снова спрятался за газетой.

И только когда поезд отъехал от вокзала, я начал успокаиваться.

Пока все идет хорошо, сказал я себе. С этого момента можно считать, что я благополучно отправился в отпуск.

Но я все равно ощущал смущение. Лучше бы Хелен не звонила. Лучше бы Джина не слышала имени миссис Дуглас Шеррард. Лучше бы мне хватило силы воли не увлечься этой притягательной блондинкой. Теперь, когда я немного знал о ее прошлом, я понимал, что она вовсе не девушка моей мечты. Девушка, водившая компанию с таким типом, как Менотти, просто не может быть девушкой моей мечты. Я гово-

рил себе, что это чистая физиология. Я просто похотливый дурак, что увлекся ею.

Все эти рассуждения ни к чему меня не привели. Я сознавал, что больше всего на свете хочу одного: провести месяц в ее обществе.

А коль скоро речь шла о Хелен – это было все равно что сказать, что мне конец.

III

Поезд прибыл на вокзал Сорренто с опозданием на двадцать минут. Он был набит битком, и у меня ушло еще какое-то время, чтобы выйти с платформы на площадь перед вокзалом, где выстроились такси и конные экипажи в ожидании пассажиров.

Я стоял на солнцепеке, высматривая Хелен, но ее нигде не было видно. Я поставил на землю свой чемодан, шуганув услужливого нищего, который хотел проводить меня до такси, и закурил сигарету.

Меня удивило, что Хелен меня не встречает, однако, если учесть, что поезд опоздал, она могла отправиться по магазинам, чтобы скоротать время, решил я. Поэтому я прислонился к вокзальной стене и принялся ждать.

Толпа, выплескивавшаяся из здания вокзала, понемногу рассеялась. Кого-то встретили друзья, кто-то ушел, некоторые нанимали такси и конные экипажи, пока на площади не

остался только я один. Прошло, наверное, минут пятнадцать, Хелен по-прежнему не появлялась, и я начал терять терпение.

Может быть, она сидит где-нибудь в кафе на площади? Я подхватил свой чемодан и отнес его в камеру хранения. Затем, освободившись от ноши, прошелся по улице до центра города.

Я прогуливался, высматривая Хелен, но нигде ее не увидел. Я заглянул на парковку, но не заметил машины, которая могла бы принадлежать Хелен. Я зашел в одну из кафешек, сел за столик и заказал эспрессо.

С моего места были видны все подходы к вокзалу, а еще все машины, въезжавшие на площадь.

Время близилось к половине пятого. Я выпил эспрессо, выкурил три сигареты, затем, заскучав от ожидания, спросил у официанта, можно ли от них позвонить. Телефонистка нашла номер виллы не сразу, однако после небольшой задержки все-таки нашла, а после еще одной задержки сказала, что на звонок никто не отвечает.

Какое разочарование.

Возможно, Хелен забыла, в котором часу приходит поезд, только что выехала с виллы и сейчас как раз в пути. Сдержав свое нетерпение, я заказал еще эспрессо и уселся ждать, однако в десять минут шестого я был уже не просто раздражен, но и встревожен.

Что с ней случилось? Я знал, что она успела поселиться

на вилле. В таком случае почему же она не встретила меня, как мы договаривались?

Когда она показывала мне карту, я более-менее понял, где расположена вилла. По приблизительным расчетам, милях в пяти от Сорренто, вверх в горы. Я сказал себе, что мне станет легче, если я чем-то займусь, вместо того чтобы сидеть в кафе, поэтому я решил прогуляться до виллы в надежде встретить Хелен по пути, когда она будет ехать вниз.

К вилле вела всего одна шоссейная дорога, так что шансов разминуться не было. Все, что требуется от меня, – идти по дороге, и рано или поздно мы встретимся.

Я неторопливо отправился в долгий путь до виллы.

Первую милю я пробирался через толпы туристов, которые глазели на витрины магазинов, ждали автобусов и вообще заслоняли собой ландшафт, однако, стоило вырваться из города и оказаться на вьющемся змеей в сторону Амальфи шоссе, как конкуренцию мне начали составлять лишь быстро несущиеся автомобили.

Через две мили шоссе раздваивалось, и боковая дорога уводила от главной вверх, в горы. Было уже двадцать минут седьмого, однако Хелен по-прежнему не появилась.

Я ускорил шаг, приступая к долгому, нелегкому подъему. Преодолев милю и так и не встретив Хелен, я обливался потом и нервничал.

Виллу, угнездившуюся на высоком холме с видом на залив Сорренто, я увидел за добрые полчаса до того, как до-

брался до нее. Она была именно такой прекрасной и вдохновляющей, как и обещала Хелен, однако в тот момент я был не в состоянии оценить ее красоту. Единственной моей мыслью было отыскать Хелен.

Она была права, когда говорила, что вилла стоит уединенно. Уединенно – это еще мягко сказано. Вилла стояла на собственной территории, и других домов в пределах видимости не было.

Я толкнул кованые ворота и ступил на широкую подъездную дорожку, обсаженную по бокам шестифутовыми георгинами всевозможных оттенков, тяжелые головки которых достигали восьми дюймов в диаметре.

Подъездная дорожка завершалась асфальтовой площадкой, на которой стоял «линкольн» Хелен с откидным верхом. Что ж, по крайней мере, я не разминулся с ней по дороге, подумал я, как только увидел автомобиль.

Я поднялся по ступенькам, ведущим к вилле. Парадная дверь была приоткрыта, и я толкнул ее.

– Хелен! Ты здесь?

Молчание, царившее в доме, подействовало на меня угнетающе. Я вошел в большой холл с мраморным полом.

– Хелен!

Я медленно переходил из комнаты в комнату. Здесь имелись просторная гостиная, где в алькове была устроена обеденная зона, кухня и большое патио с видом на море, плескавшееся примерно в двух сотнях футов внизу. На втором

этаже было три спальни и две ванные комнаты. Вилла оказалась современная, прекрасно меблированная – идеальное место для отпуска. Я был бы от нее в восторге, если бы навстречу мне вышла Хелен. А так я задержался в доме лишь для того, чтобы убедиться, что на вилле ее нет, затем спустился в сад и принялся искать ее там.

На мои неоднократные крики никто не отозвался, и вот теперь я запсиховал по-настоящему.

Одна из садовых дорожек упиралась в ворота, которые были чуть приоткрыты. За воротами к вершине холма, поднимавшегося над виллой, вилась узкая тропинка. Не могла ли Хелен уйти сюда? – спросил я себя. Я решил, что не стану сидеть сложа руки в надежде, что Хелен появится сама. Эта тропинка показалась мне вторым возможным выходом с виллы. Я понимал, что никак не мог разминуться с Хелен, пока шел из Сорренто. Оставался шанс, что она отправилась на прогулку по этой тропинке и либо забыла о времени, либо с ней случилось какое-то несчастье.

Я поспешил обратно на виллу оставить записку на тот случай, если Хелен все-таки еще в Сорренто и мы разминулись. Мне не хотелось, чтобы она снова уехала в Сорренто, если, вернувшись, не застанет меня в доме.

Я обнаружил в ящике письменного стола бумагу с названием виллы и наскоро набросал записку, оставив ее на столе в гостиной, затем вышел из дома и быстро зашагал по садовой дорожке к воротам.

Я прошагал, наверное, четверть мили и уже склонялся к мысли, что Хелен вряд ли ушла с виллы этим путем, когда увидел внизу еще одну большую белую виллу, выстроенную прямо в скальной породе. Никогда еще я не видел жилого дома в столь недоступном месте. С вершины утеса к этой вилле вели крутые ступеньки. Единственный разумный способ добраться туда – по морю. Эта вилла была мне без надобности, я даже не замедлил шага, хотя и поглядел на нее, проходя мимо по извилистой тропке. Я увидел просторную террасу со столом, шезлонгами и большим красным зонтом. Крутая лестница спускалась в бухту, где у причала стояли два катера с мощными моторами. Проходя дальше, я подумал, что за миллионер поселился в подобном месте. Но не успел я пройти и трехсот ярдов, как мысли о вилле полностью вылетели у меня из головы, потому что прямо на тропинке передо мной лежал футляр от кинокамеры Хелен.

Я узнал его мгновенно и замер на месте, а сердце пропустило один удар.

Несколько секунд я рассматривал футляр, затем, шагнув вперед, наклонился его поднять. Не было никаких сомнений, что это тот самый футляр. Дело было не только в его форме и новенькой свиной коже – на крышке были выгравированы золотом инициалы Хелен. Футляр был пуст.

Зажав его в руке, я поспешил дальше. Еще через пятьдесят ярдов тропинка неожиданно поворачивала под прямым углом в сторону от моря, уводя в густой лес, протянувшийся

на четверть мили, что оставалась до вершины холма.

Этот поворот под прямым углом подводил тропинку опасно близко к краю утеса, и, остановившись здесь, я оглядел голую отвесную скалу, спускавшуюся в море, которое омывало массивные валуны двумя сотнями ярдов ниже.

Я шумно втянул в себя воздух, заметив на камнях внизу что-то белое, похожее на изломанную куклу, наполовину погруженную в море.

Прикованный к месту, я всматривался вниз: сердце тяжко билось, во рту пересохло.

Я видел, как море мягко колышет длинные светлые волосы. Пышная юбка белого платья надувалась парусом каждый раз, когда волны огибали изломанное тело.

Не было нужды строить какие-то догадки. Я знал, что мертвая женщина внизу – Хелен.

Часть третья

I

Она наверняка мертва.

Она не смогла бы выжить после такого падения, не лежала бы вот так, позволяя морю захлестывать себя с головой, если бы не была мертва, но я все равно не мог в это поверить.

– Хелен!

Голос прозвучал надтреснуто, когда я окликнул ее.

– Хелен!

Мой голос вернулся ко мне эхом – призрачный звук, от которого меня пробила дрожь.

Она не могла умереть, сказал я себе. Необходимо удостовериться. Я не могу оставить ее здесь. Может, она захлебывается там прямо сейчас, пока я смотрю на нее сверху.

Я лег плашмя и пополз вперед, пока моя голова и плечи не оказались над краем утеса. От высоты закружилась голова. Падение с этого места казалось чудовищно страшным.

Я лихорадочно оглядывал меловую поверхность скалы, пытаясь найти дорогу к Хелен, но никакой дороги не было. С тем же успехом можно спускаться по гигантской отвесной стене. Единственный способ оказаться внизу – сползти по

веревке.

Сердце стучало тяжелым молотом, холодный пот покрывал лицо, когда я выдвинулся над краем утеса еще на несколько опасных дюймов.

С этой точки я видел ее более отчетливо. Я видел, что лицо и голова Хелен полностью находятся под мягко плещущей водой, а когда луч света от заходящего солнца подсветил море, я увидел, что ее светлые волосы окружает красный нимб.

Она несомненно мертва.

Я выбрался обратно на тропу и присел на корточки, ощущая дурноту и озноб. Сколько же она уже пролежала там? Возможно, она погибла много часов назад.

Я обязан позвать на помощь. На вилле ведь есть телефон. Я смогу вызвать полицию. Если потороплюсь, они успеют забрать тело до наступления темноты.

Я поднялся, сделал два неуверенных, шатких шага назад, а потом резко затормозил.

Полиция!

До меня внезапно дошло, что будет означать для меня полицейское расследование. Они быстро установят, что мы с Хелен планировали провести месяц на этой вилле. И уже скоро новость дойдет до ушей Чалмерза. Как только я позвоню в полицию, вся эта грязная история всплывет.

Пока я стоял в нерешительности, я заметил рыбацкую лодку, которая неспешно входила в маленькую бухту подо мной. Я мгновенно сообразил, что мой силуэт четко выри-

совывается на фоне неба. Хотя рыбаки внизу были слишком далеко, чтобы рассмотреть мое лицо, волна паники заставила меня упасть на четвереньки, скрываясь из виду.

Вот оно. Я вляпался по уши. В глубине души я все это время сознавал, что нарываюсь на неприятности, связываясь с Хелен, и вот теперь нарвался.

Скорчившись на земле, я представлял себе выражение грубого, мясистого лица Шервина Чалмерза, когда он услышит новость, что мы с его дочерью договорились остановиться на вилле в Сорренто и его дочь сорвалась с утеса.

Он наверняка решит, что мы были любовниками. Он даже может заключить, что она мне надоела и это я столкнул ее с утеса.

Эта мысль меня потрясла.

Существует вероятность, что полиция придет к тому же выводу. Насколько я понимаю, никто не видел ее падения. Я не смогу доказать, в котором именно часу прибыл на виллу. Я сошел с набитого народом поезда, всего лишь один из сотни других пассажиров. Я оставил багаж у служащего в камере хранения, но он каждый час видит перед собой разные лица, и едва ли он вспомнит меня. А больше свидетелей нет. Я не помню, чтобы кого-нибудь встретил на долгом пути от Сорренто до виллы. В любом случае никто не подтвердит под присягой, в каком именно часу я поднялся на вершину утеса.

Разумеется, многое зависит от времени смерти Хелен. Ес-

ли это произошло примерно тогда же, когда прибыл мой поезд – плюс-минус час, – и если полиция заподозрит, что это я столкнул ее с утеса, вот тогда я окажусь в плачевном положении.

К этому моменту я был взвинчен до предела. Моей единственной мыслью было поскорее убраться отсюда, и так, чтобы меня не заметили. Когда я развернулся, собираясь двинуться по тропе вниз, я споткнулся о футляр от камеры Хелен, который выронил, увидев внизу тело.

Я поднял футляр, замешкался, хотел сбросить его с утеса, но вовремя остановился.

Теперь я не имею права ни на одну ошибку. На футляре мои отпечатки пальцев.

Я вынул носовой платок и старательно вытер футляр. Я прошелся по нему раза четыре или пять, прежде чем решил, что от моих отпечатков не осталось и следа. Затем я сбросил футляр с утеса.

Развернувшись, я торопливо зашагал вниз по тропе.

К этому времени начало смеркаться. Солнце, огромный, яростно пламенеющий шар, затопило небо и море красным сиянием. Еще через полчаса станет темно.

Я шел своей дорогой, едва взглянув на уединенную белую виллу, которую видел по пути наверх, однако отметил, что в трех или четырех окнах зажегся свет.

Паника во мне немного улеглась, пока я торопливо шагал по тропе. Мне было тяжело бросать Хелен там, внизу, однако

я был уверен, что она мертва, и сказал себе, что необходимо подумать о своем будущем.

К тому моменту, когда я достиг садовых ворот, я уже справился с первым потрясением, вызванным ее смертью, и голова у меня снова заработала.

Я понимал, что самое правильное – вызвать полицию. Я сказал себе: если сделаю чистосердечное признание, расскажу, что собирался прожить с этой девушкой месяц на вилле, объясню, как именно обнаружил ее тело, у них не будет причин мне не поверить. По крайней мере, они не смогут поймать меня на лжи. Но если я буду сидеть тихо, а они по какой-то несчастливой случайности вычислят меня, то совершенно справедливо заподозрят, что я причастен к ее гибели.

Эти рассуждения показались бы мне верными, если бы не новая работа: я хотел возглавить отдел международных новостей больше всего на свете. Я знал, что должности мне не видать, если Чалмерз узнает правду. Просто безумие отказываться от собственного будущего, а сообщить полиции правду – верный способ потерять все. Если не буду высовываться, если мне повезет, есть шанс благополучно выпутаться.

На самом деле, говорил я себе, ничего у нас с Хелен и не было. Я даже не был влюблен в эту девушку. Просто глупо и безответственно поддался порыву. И Хелен виновата в этом больше меня. Она поощряла меня. Она все организовала. По словам Максвелла, она была опытной соблазнительницей. У нее репутация женщины, приносящей мужчинам только бе-

ды. Я буду дурак, если не попытаюсь себя обезопасить.

Сняв камень с души, я успокоился.

«Ладно, – подумал я, – необходимо сделать так, чтобы никто и никогда не узнал, что я побывал здесь. Я должен обеспечить себе алиби».

Я уже успел миновать ворота и шел через сад к вилле. Остановился, чтобы взглянуть на часы. Была половина девятого. «Максвелл с Джиной уверены, что я в Венеции. У меня нет ни малейшей надежды попасть отсюда в Венецию этим же вечером. Единственный шанс обеспечить себе алиби – вернуться обратно в Рим. Если хоть немного повезет, я буду там в три часа ночи. На следующее утро приду в контору с утра пораньше и скажу, что передумал насчет Венеции, а вместо этого остался в Риме, чтобы закончить главу романа, который сейчас пишу».

Алиби так себе, но это было лучшее, что пришло мне в голову в тот момент. В этом случае полиция с легкостью докажет, что я не приезжал в Венецию, но и не сможет опровергнуть мои слова, что я провел весь день в своей квартире в пентхаусе. В мою квартиру вела отдельная лестница, и никто никогда не видел, как я вхожу и выхожу.

Зря я не поехал сюда на машине! Как было бы просто вернуться в Рим, если бы я был на машине. Я не рискну взять «линкольн» с откидным верхом, который уже видел за поворотом садовой дорожки.

Женщина из деревни, нанятая Хелен помогать по хозяй-

ству, наверняка знает, что Хелен приехала на машине. Если «линкольн» исчезнет, полиция может прийти к выводу, что смерть Хелен не была несчастным случаем.

Мне придется пешком вернуться в Сорренто, а потом попытаться сесть на поезд до Неаполя. Я понятия не имел, когда уходит последний поезд Сорренто – Неаполь, но подозревал, что, скорее всего, к тому времени, когда я преодолею пешком пять длинных миль, последний поезд уже уйдет. Я знал, что из Неаполя в Рим есть поезд в четверть двенадцатого, но до Неаполя еще нужно добраться. Я снова поглядел на «линкольн». Поборол искушение уехать на нем. Что бы я ни предпринял, нельзя усложнять сценарий сверх того, что уже имеется.

Обходя вокруг автомобиля и направляясь к подъездной дорожке, я обернулся на темную молчаливую виллу и испытал потрясение.

Может, мне показалось, что в гостиной промелькнула вспышка фонарика?

Быстро и беззвучно, с тяжело забившимся сердцем, я скорчился за машиной.

Я долго всматривался в окна гостиной, а затем снова заметил отблеск белого света, который тут же исчез.

Тяжело дыша, я ждал, выглядывая из-за капота автомобиля.

Свет снова вспыхнул. На этот раз он не гас несколько дольше.

Кто-то ходит по гостиной с фонариком!

Кто это может быть?

Точно не женщина из деревни. Ей незачем красться по дому в темноте. Она бы просто включила свет.

Теперь я по-настоящему разволновался. Пригибаясь пониже, я выбрался из-за «линкольна», пересек асфальтовую площадку, удаляясь от виллы, и в итоге оказался под благословенной сенью громадного куста гортензии, спрятался за ним и снова принялся всматриваться в окна.

Луч света двигался по гостиной так, как будто неведомый визитер что-то искал.

Мне хотелось выяснить, кто он. Меня подмывало подкрасться туда и застигнуть его врасплох, кем бы он ни был – вероятно, какой-то воришка, – но я понимал, что нельзя попадаться никому на глаза. Никто не должен узнать, что я побывал на вилле. Меня тревожил этот свет, блуждавший по всей комнате, но я понимал, что ничего не могу тут поделать.

Спустя минут пять свет исчез. Последовала долгая пауза, затем я рассмотрел высокую мужскую фигуру, выдвинувшуюся из парадной двери. Мужчина на мгновение задержался на крыльце. Было уже слишком темно, чтобы разглядеть что-нибудь, кроме черного силуэта.

Мужчина бесшумно сошел по ступенькам, приблизился к «линкольну» и заглянул внутрь. Зажег свой фонарик. Он стоял ко мне спиной. Я видел, что на лоб у него надвинута мягкая черная шляпа, но меня главным образом поразила

ширина его плеч. Теперь я был рад, что не вошел в дом и не застиг его врасплох. Такой крупный парень более чем способен за себя постоять.

Свет погас, и мужчина отступил от машины. Я припал к земле, ожидая, что он двинется в мою сторону, направляясь к выходу в конце подъездной дорожки. Вместо этого он быстро и беззвучно пересек лужайку, и только я успел понять, что он идет к воротам в глубине сада, как в следующий миг его поглотила темнота.

Озадаченный, смущенный, я таращился ему вслед, затем, осознав, что время уходит, а мне надо обратно в Рим, я выбрался из своего укрытия и заторопился к кованым воротам, ведущим на шоссе.

Всю дорогу до Сорренто я недоумевал по поводу этого визитера. Точно ли это вор? Или этот человек как-то связан с Хелен? Ответов на эти вопросы не было. Единственное, что утешало меня в этой загадочной истории, – меня так никто и не заметил.

До Сорренто я добрался в десять минут одиннадцатого. Я бежал бегом, шел, снова бежал и был едва жив от усталости, когда вошел в здание вокзала. Последний поезд до Неаполя ушел десять минут назад.

У меня был час и пять минут, чтобы каким-то образом добраться до Неаполя. Я забрал свой чемодан из камеры хранения, старательно отворачивая голову, чтобы служащий не смог меня как следует рассмотреть, а затем вышел в темный

двор за вокзалом, где стояло одинокое такси. Водитель дремал, и я сел в салон раньше, чем он проснулся.

– Дам двойную цену и пять тысяч лир чаевых, если окажемся на вокзале Неаполя раньше поезда в одиннадцать пятнадцать, – сказал я ему.

Нет в мире водителей более бесшабашных, отчаянных и опасных, чем итальянцы. Когда бросаешь итальянскому таксисту подобный вызов, остается лишь сидеть с закрытыми глазами, сжавшись в комок, и молиться.

Таксист даже не обернулся, чтобы на меня посмотреть. Он весь напрягся, нажал на кнопку стартера, выжал сцепление и рванул со станционного двора, едва не подняв автомобиль на дыбы.

На протяжении примерно двенадцати миль дорога от Сорренто напоминает по форме свернувшуюся змею. Здесь имеются крутые виражи и резкие развороты на сто восемьдесят градусов, а места хватает, чтобы два автобуса разминулись при условии, что они остановятся, водители высунутся из окон и проползут мимо друг друга на черепашьей скорости.

Мой таксист мчался по этой дороге так, словно она была совершенно ровной и прямой, как линейка. Он не убирал руку с клаксона, свет фар предупреждал о его приближении, однако было несколько моментов, когда мне казалось, что пришел мой последний час. Чистое везение, что нам не попался навстречу рейсовый автобус, иначе мы разбились бы

в лепешку.

Как только мы выехали на автостраду до Неаполя, все стало проще простого, и я смог немного расслабиться. В этот час сильного движения не было, и такси с ревом и урчаньем неслось минут тридцать на скорости восемьдесят пять миль в час.

На окраине Неаполя мы были без пяти одиннадцать. Наступил решающий момент гонки, потому что Неаполь в любое время суток славится своим плотным и неспешным движением. И вот тут мой водитель доказал мне, что он не просто опасный и отчаянный, но еще и совершенно безразличный к человеческой жизни и здоровью.

Он разрезал поток машин так, как горячий нож разрезает масло. Тот факт, что остальные итальянские водители были напуганы, лишь подчеркивал его неистовую безжалостность. Ни один итальянец не уступит по доброй воле дорогу другому, но в этом случае они, кажется, были счастливы убраться с нашего пути куда подальше, и до самого вокзала мы неслись под визг чужих шин, скрежет тормозов, гудки клаксонов и гневные вопли.

Я был удивлен, что патрульные никак не реагировали. Может быть, потому, что такси скрывалось из виду раньше, чем они успевали поднести свисток ко рту.

Мы были на вокзале в пять минут двенадцатого, и водитель, ударив по тормозам и юзом остановив машину, с широкой улыбкой обернулся ко мне.

Я успел надвинуть шляпу на глаза, да и в салоне такси было темно. Я знал, что водитель не сможет меня опознать.

– Ну как, синьор? – спросил он, явно в восторге от самого себя.

– Фантастика, – выдохнул я, запихивая ему в руку пачку замызганных тысячных купюр. – Отличная работа, спасибо.

Я схватил чемодан, выскочил из такси и рванул по тротуару на вокзал. Купил билет и помчался по платформе к уже поданному поезду.

Четыре минуты спустя я сидел в одиночестве в грязном вагоне третьего класса, наблюдая, как огни Неаполя исчезают вдалеке.

Я возвращаюсь в Рим!

II

Большие голубые глаза Джины широко раскрылись, когда она увидела меня в дверном проеме.

– Боже, Эд!

– Привет.

Я закрыл дверь, подошел и сел на край стола. Какое облегчение – вернуться в родные стены. Я ощущал себя защищенным в этом аккуратном, отлично организованном офисе.

Шесть кошмарных часов я провел у себя на квартире, обливаясь потом. Переживать наедине с собой смерть Хелен оказалось тяжело.

– Что-то случилось? – отрывисто спросила Джина.

Как бы мне хотелось рассказать ей, насколько все плохо!

– Да нет, ничего не случилось, – ответил я. – Не смог найти гостиницу в Венеции. Позвонил в турагентство, там сказали, ни малейшего шанса вписаться куда-нибудь на короткий срок, поэтому я решил махнуть на Венецию рукой. А потом подумал, что смогу немного поработать над своим романом. И так воодушевился собственной мудростью, что проработал без остановки до трех ночи.

– Но предполагается, что ты уже в отпуске, – сказала Джина. В ее глазах читались тревога и недоумение, подсказавшие мне, что она сомневается, правду ли я говорю. – Если ты не едешь в Венецию, куда же тогда?

– Не дави на меня, – попросил я. Оказалось, мне трудно сейчас зубоскалить, и я понял, что, похоже, совершил ошибку, увидевшись с Джиной сразу после смерти Хелен. Я уже упоминал, что Джина в некоторой степени способна считывать мои мысли. Она всматривалась в меня так, словно подозревала, что случилось что-то ужасное. – Я подумал, может, взять машину и отправиться в Монте-Карло. У тебя ведь где-то лежит мой паспорт, верно? Я не смог найти его у себя дома.

В этот момент открылась дверь, и появился Максвелл. Он остановился в дверном проеме и вопросительно уставился на меня. В его взгляде угадывалась неприязнь.

– Э… привет, – произнес он, затем шагнул в кабинет и

закрыл за собой дверь. – Ты что, никак не можешь покинуть это место или тебе кажется, что я не в состоянии справиться с работой?

Я был не в настроении с ним объясняться.

– Тебя бы не было здесь, если бы мне казалось, что ты не в состоянии справиться с работой, – ответил я резко. – Я заехал сюда за своим паспортом. Пытался найти жилье в Венеции, но все гостиницы забиты под завязку.

Он немного успокоился, но я понимал, что ему неприятно видеть меня здесь.

– Неужели тебе не хватило времени, чтобы выяснить это раньше? Надо быть более собранным. Чем же ты занимался вчера целый день, скажи ради бога?

– Работал над романом, – ответил я, закуривая сигарету и улыбаясь ему.

Его лицо окаменело.

– Только не говори, что ты пишешь роман.

– Еще как пишу. Считается, что каждый газетчик способен выдать отличную книгу. Я лично надеюсь заработать целое состояние. И тебе стоит попытаться – я конкуренции не боюсь.

– У меня есть на что потратить свободное время, – бросил он. – Ладно, мне пора за работу. Ты уже забрал свой паспорт?

– Что означает: хватит путаться у меня под ногами и не пошел бы ты уже отсюда, – с улыбкой произнес я.

– Мне нужно продиктовать несколько писем.

Джина отошла к шкафам с папками и вернулась с моим паспортом.

– Я буду готов к работе через пять минут, мисс Валетти, – сказал Максвелл, направляясь к себе в кабинет. – Пока, Эд.

– Пока.

Когда он вошел в смежный кабинет и закрыл за собой дверь, мы с Джиной переглянулись. Я подмигнул ей.

– Я буду там совсем один. Позвоню тебе, когда найду гостиницу.

– Хорошо, Эд.

– Я еду не больше чем на пару дней. Утром в четверг уже вернусь домой. Если что-нибудь случится, ты знаешь, где меня найти.

Она пристально посмотрела на меня:

– Но ты же в отпуске. Не случится ничего такого, с чем не справится мистер Максвелл.

Я вымученно улыбнулся:

– Знаю, но все равно, если вдруг понадоблюсь – я у себя дома. Ладно, до скорого.

Оставив ее, с недоумением глядевшую мне вслед, я направился к машине.

Я сам не знал, разумно ли делать Джине подобные намеки, но понимал, что рано или поздно новость о смерти Хелен станет общим достоянием. Полиция, как только установит ее личность, обязательно свяжется с нашей редакцией, а я очень хотел участвовать в расследовании с самого начала.

Я вернулся домой.

Настроения работать над романом не было. Смерть Хелен словно заволакивала мой разум пеленой. Чем больше я думал о ней, тем отчетливее сознавал, какого дурака свалял. Я купился на физическую привлекательность Хелен. А теперь понимал, что она мне даже не нравилась. Ее смерть, не считая тревоги из-за возможных последствий для моей жизни, никак меня не тронула. Еще я осознал, что не нужно мне было оттуда сбегать. Надо было набраться смелости, позвонить в полицию и рассказать правду. Я понимал, что буду как на иголках, пока не закончится следствие, пока не объявят о несчастном случае.

Обязательно примутся искать загадочного мистера Дугласа Шеррарда. Хелен сказала, что сняла виллу на это имя. Агент по недвижимости, конечно, сообщит полиции эту информацию. Возникнет вопрос: кто такой мистер Дуглас Шеррард? Где он? Возможно, полицию это особенно заинтересует. Они установят, что Хелен вовсе не миссис Дуглас Шеррард. Они догадаются, что у нее был роман с каким-то мужчиной, и этот мужчина куда-то исчез. Сочтут ли они нужным разрабатывать связанную с ним версию? Достаточно ли хорошо я замел следы, чтобы они не вышли на меня, если все же начнутся поиски Шеррарда?

Я сидел у себя в просторной гостиной с видом на Римский форум и обливался потом. Когда около четырех дня зазвонил телефон, я с трудом заставил себя подняться из кресла,

чтобы снять трубку.

– Алло? – произнес я, сознавая, что голос у меня звучит как кваканье лягушки.

– Это ты, Эд?

Я узнал голос Максвелла.

– Конечно я. Кто же еще, по-твоему?

– Ты не можешь приехать прямо сейчас? – Голос его звучал встревоженно и смущенно. – Господи! На меня тут такое свалилось. Только что звонили из полиции. Сказали, что нашли Хелен Чалмерз… она мертва!

– Мертва? Что случилось?

– Приезжай, ладно? Они прибудут с минуты на минуту, и я хочу, чтобы ты тоже был здесь.

– Сейчас приеду, – сказал я и положил трубку.

Вот оно! Все началось несколько раньше, чем я ожидал. Я прошелся по комнате, налил себе пару глотков скотча и выпил. Заметил, что руки подрагивают, а когда взглянул на себя в зеркало в дверце бара, увидел пожелтевшее лицо и страх в глазах.

Я вышел из квартиры и спустился в подземный гараж. К тому времени, когда я на своем «бьюике» влился в плотный поток машин, алкоголь подействовал. Я уже не ощущал такого страха. И под конец, когда я подъезжал к зданию «Вестерн телеграмм», меня перестало трясти.

Максвелл с Джиной были в приемной. Максвелл выглядел скверно. Лицо у него побелело, словно свежий снег. Джина

тоже казалась обеспокоенной. Она бросила на меня встревоженный взгляд, когда я вошел, а затем отступила вглубь комнаты, но я ощущал, что она по-прежнему смотрит на меня.

– Рад тебя видеть! – воскликнул Максвелл. Вся его неприязненность и холодность испарились. – Что скажет старик, когда узнает? Кто осмелится сообщить ему подобную новость?

– Успокойся, – резко произнес я. – Что произошло? Ну давай! Рассказывай!

– Они не сообщили подробностей. Просто сказали, что Хелен нашли мертвой. Она упала с утеса в Сорренто.

– Упала с утеса? – Теперь я разговаривал жестко. – Что она делала в Сорренто?

– Не знаю. – Максвелл нервно закурил сигарету. – Везет же мне – не успел приехать, и вдруг такое. Слушай, Эд, тебе придется сообщить Чалмерзу. У него крышу снесет.

– Успокойся. Я ему сообщу. Только я не понимаю, почему она оказалась в Сорренто.

– Может, полиция знает. Господи! И это случилось со мной! – Он ударил кулаком в ладонь. – Эд, тебе придется с этим разбираться. Ты ведь знаешь Чалмерза. Он потребует расследования. Он просто обязан потребовать расследования. Он будет ждать…

– Да угомонись ты! – оборвал его я. – Хватит себя накручивать. Ты ни в чем не виноват. Если он захочет расследования, то получит его.

Максвелл попытался взять себя в руки.

– Хорошо тебе говорить. Это же ты его любимчик. А от меня ему никакой пользы…

В этот момент дверь открылась, и вошел лейтенант Итало Карлотти из римского отдела по расследованию убийств.

Карлотти был невысоким, черноволосым, со смуглым помятым лицом и блекло-голубыми пронзительными глазами. Ему было почти сорок пять, однако выглядел он лет на тридцать. Я был знаком с ним уже года два или три, и мы прекрасно ладили. Я знал его как умного, добросовестного полицейского, впрочем не хватающего звезд с неба. Результата он добивался старательным и напряженным трудом.

– Я думал, ты в отпуске, – сказал он, пожимая мне руку.

– Как раз собирался уезжать, когда это случилось, – пояснил я. – Ты знаком с синьорой Валетти? А это синьор Максвелл. Он заменяет меня на время отпуска.

Карлотти пожал руку Максвеллу и поклонился Джине.

– Давай к делу, – сказал я, устраиваясь за столом Джины и жестом предлагая Карлотти сесть в кресло. – Ты уверен, что это Хелен Чалмерз?

– Полагаю, тут нет никаких сомнений, – ответил он, остановившись передо мной и совершенно игнорируя предложенное кресло. – Три часа назад я получил рапорт из управления полиции Неаполя, что тело молодой женщины было найдено у подножия утеса в пяти милях от Сорренто. Было установлено, что она упала с тропинки на вершине утеса. А

еще полчаса назад мне сообщили, что это синьорина Хелен Чалмерз. Очевидно, девушка сняла виллу неподалеку от места своего падения. Когда эту виллу осмотрели, то по ее вещам установили личность. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вашей редакции поехал со мной в Сорренто, чтобы опознать тело.

Такого я не ожидал. Мысль о том, что придется отправиться в морг и опознавать то, что осталось от чудесного тела Хелен, вызвала у меня приступ дурноты.

Максвелл торопливо вставил:

– Эд, это ты ее встречал. Тебе и ехать. Я ее видел только на фотографиях.

Карлотти произнес, глядя на меня:

– Я отправляюсь прямо сейчас. Сможешь поехать со мной?

– Я поеду, – сказал я, выбираясь из-за стола. Развернувшись к Максвеллу, я добавил: – Никому ничего не сообщай, пока я не позвоню. Возможно, это не она. Позвоню, как только станет ясно. Будь пока что на месте.

– А что с Чалмерзом?

– Я сам с ним поговорю, – пообещал я, затем развернулся к Карлотти и сказал: – Ладно, поехали.

Потрепав Джину по плечу, я вышел вслед за Карлотти из приемной. Мы ни о чем не говорили, пока ехали по городу, но когда мы уже стремительно приближались к римскому аэропорту, я спросил:

– Есть версии, как это случилось?

Он смерил меня тяжелым взглядом:

– Я же сказал тебе: она упала с утеса.

– Я помню, что ты мне сказал. Но есть какие-то подробности?

Карлотти пожал плечами так, как пожимают плечами только итальянцы.

– Не знаю. Она сняла виллу под именем миссис Дуглас Шеррард. Она ведь не была замужем?

– Нет, насколько мне известно.

Он закурил вонючую итальянскую сигарету и выпустил дым в открытое окно.

– Есть несколько моментов, которые осложняют дело, – проговорил он после долгого молчания. – Синьор Чалмерз важный человек. Мне не хочется никаких проблем.

– Мне тоже. Он не только важный человек, но еще и мой босс. – Я поудобнее устроился на сиденье. – Если не принимать во внимание того, что она назвалась миссис Дуглас Шеррард, в чем еще осложнения?

– Тебе что-нибудь известно о ее жизни? – Его холодные голубые глаза ощупывали мое лицо. – На данный момент никто, кроме нас с тобой и неаполитанской полиции, этого не знает, однако сохранить все в тайне не удастся. Похоже, у нее был любовник.

Я скорчил гримасу:

– Вот Чалмерз обрадуется. Осторожнее выбирай слова,

когда будешь общаться с прессой, лейтенант.

Он кивнул:

– Это понятно. Насколько мне известно, она сняла виллу на два имени, мистер и миссис Дуглас Шеррард. Как думаешь, не могла она тайно выйти замуж?

– Все возможно, но, мне кажется, вряд ли.

– Я и сам сомневаюсь. Думаю, у нее в Сорренто намечалось что-то вроде неофициального медового месяца. – Он снова выразительно пожал плечами. – Такое бывает. Ты знаешь кого-нибудь по имени Дуглас Шеррард?

– Нет.

Он стряхнул пепел с сигареты.

– Гранди, который ведет это дело, кажется, склонен считать падение несчастным случаем. Он попросил меня проверить только потому, что синьор Чалмерз такая важная персона. К несчастью, тут замешан любовник. Если бы не было любовника, все было бы просто и ясно.

– Возможно, необязательно о нем упоминать, – предположил я, глядя в окно.

– Вполне вероятно. Нельзя утверждать наверняка, был ли у нее любовник…

– Я о ней почти ничего не знаю. – Я почувствовал, как взмокли ладони. – Не стоит делать поспешные выводы. Пока не увидим тело, мы даже не можем утверждать, что это Хелен Чалмерз.

– Боюсь, это действительно она. На всей одежде и вещах

ее монограмма. В багаже нашли еще и письма на ее имя. Описание соответствует. Не думаю, что тут могут быть сомнения.

Больше мы не разговаривали, пока не сели в самолет до Неаполя, и тут Карлотти внезапно произнес:

– Тебе придется объяснить ситуацию синьору Чалмерзу. Тот факт, что его дочь сняла виллу под чужим именем, невозможно скрыть от следствия. Ты же понимаешь, что мы никак не сможем это замять?

Я видел, что его тревожит мысль о возможной ссоре с Чалмерзом.

– Да, конечно, – ответил я. – Но мы-то с тобой тут ни при чем.

Он покосился на меня:

– Синьор Чалмерз обладает огромным влиянием.

– Несомненно, обладает, только ему стоило употребить хотя бы часть этого влияния на собственную дочь до того, как с ней случилось такое.

Карлотти закурил очередную вонючую сигарету, поглубже уселся в кресле и погрузился в размышления. Я тоже призадумался.

Меня удивило, что он больше ничего не сказал о Дугласе Шеррарде. Это меня даже немного встревожило. Я знал Карлотти. Он действовал неспешно, зато действовал наверняка.

В Неаполь мы прилетели около полудня. Нас ждала полицейская машина. Рядом с машиной стоял встречавший нас

лейтенант Гранди из полиции Неаполя.

Он оказался человеком среднего телосложения, с грубыми чертами лица, с темными суровыми глазами и оливковой кожей. Он пожал мне руку, глядя куда-то поверх моего правого плеча. У меня сложилось впечатление, что он не особенно рад видеть меня в их компании. Он усадил Карлотти на заднее сиденье, а меня – на переднее рядом с водителем. Сам сел сзади, с Карлотти.

За долгую, хотя ехали мы быстро, поездку до Сорренто я только и слышал его торопливую итальянскую речь: он говорил без умолку, причем едва ли не шепотом.

Я старался расслышать, о чем он толкует, однако мешали шум ветра и рев автомобильного мотора. Я махнул рукой, закурил сигарету и уставился сквозь лобовое стекло на расстилавшуюся под нами извилистую дорогу, вспоминая ночную гонку накануне, куда более быструю и куда более опасную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.